

АНТРОПОЛОГИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

(отв. редактор специальной темы номера Д.А. Функ)

Научная статья
УДК 001.11
doi: 10.17223/2312461X/43/7

Антропология в условиях неопределенности. Размышления о динамике и статике научного творчества

Дмитрий Анатольевич Функ

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
d_funk@iea.ras.ru*

Аннотация. Во вводной статье автор рассказывает о появлении идеи обращения к теме антропологии неопределенности на страницах журнала, рассуждает о феномене неопределенности, предлагая – с позиций антропологии – исходить из того, что этот феномен в жизни человечества является своего рода нормой, что существенно меняет оптику антропологических исследований, ставит ряд исследовательских вопросов, остающихся пока вне поля зрения антропологов, а также представляет статьи, вошедшие в данную подборку.

Ключевые слова: антропология неопределенности, неопределенность и риск, научное творчество, академическое сообщество

Для цитирования: Функ Д.А. Антропология в условиях неопределенности. Размышления о динамике и статике научного творчества // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 106–111. doi: 10.17223/2312461X/43/7

Original article
doi: 10.17223/2312461X/43/7

Anthropology in Uncertain Conditions. Thoughts on the Dynamics and Statics of Scientific Creativity

Dmitriy A. Funk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, d_funk@iea.ras.ru

Abstract. In the introductory article, the author talks about the emergence of the idea of addressing the topic of anthropology of uncertainty on the pages of the journal and discusses the phenomenon of uncertainty, suggesting — from the standpoint of anthropology — to proceed from the fact that this phenomenon in the life of mankind is a kind of norm, which significantly changes the optics of anthropological research, raises a number of research questions that remain out of the sight of anthropologists, and also presents the articles included in this collection.

Keywords: anthropology of uncertainty, uncertainty and risk, scientific creativity, academic community

For citation: Funk, D.A. (2024) Anthropology in Uncertain Conditions. Thoughts on the Dynamics and Statics of Scientific Creativity. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp.106–111 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/43/7

Предлагаемая вниманию читателей подборка статей родилась после обсуждения одноименной с названием этого предисловия секции «Антропология в условиях неопределенности. Размышления о динамике и статике научного творчества» на XV конгрессе антропологов и этнологов России, проходившем в Санкт-Петербурге в 2023 г. Там предполагалось и отчасти удалось обсудить трансформацию привычных способов организации научного поиска и традиционных моделей интеллектуального диалога в периоды социальных кризисов, модели преодоления эффектов неопределенности и (или) адаптации к ним в антропологическом сообществе, проблемы, связанные с изменением пространственных (и временных) характеристик научного быта, быстрым обновлением исследовательского поля, сменой специализации, интенсивным дискурсивным освоением жизненных миров и конструированием особой социокультурной реальности нашими профессиональными сообществами в условиях неопределенности в связи с угрозами природных и техногенных катастроф, масштабных пандемий, изменяющейся природной среды, климата, инфраструктуры, нестабильности привычных практик, темпов жизни, нарастающей скорости изменений на глобальном и локальном уровнях, включая общую неуверенность в наличии работы, работы в той или иной стране, условий этой работы. Особый акцент в обсуждениях был сделан на характерной для последних лет подвижности научной инфраструктуры, новых вариантах «маршрутизации» современного социогуманитарного знания (потоков знания), а также на изменении динамики маршрутов исследователей в буквальном смысле (а также мотивации этой динамики), позволяющих полнее раскрыть специфику творчества антропологов в условиях неопределенности. Все это представляется значимым и при этом, к сожалению, мало-, если вообще хоть как-то, отрефлексированным в научном сообществе и совершенно не включенным в какие бы то ни было антропологические дискурсы.

Перед тем как охарактеризовать публикуемые здесь статьи, позволю себе немного порассуждать о предмете исследования и некоторых базовых понятиях.

История нашей науки во многом может быть представлена в терминах меньшей или большей наблюдательности и соответствующего языка исследователей. Мы видели и описывали культуры такими, какие их описывали старожилы, которым их собственное прошлое казалось чуть

ли не идеальным и, дополню, очень устраивающим нас, поскольку стандартизированное, типичное, прошлое легче было описывать, да к тому же мы тогда думали о культурах «братьев наших меньших» как о чем-то, что, в принципе, можно описать и типологизировать. Мы фиксировали лучшие образцы фольклора. Мы фиксировали идеальный в своей полноте язык только от тех, кто свободно владел им. Мы фиксировали «норму» всего, на что падал наш взгляд, неважно, реальную «норму» или же кем-то изобретенную – порой изобретаемую прямо здесь и сейчас, причем описывая увиденное на совершенно отличном от нынешнего языке (период до «речевой мутации», используя фразеологию Мишеля Фуко). Суммируя, мы имеем право сказать, что антропологическая теория обычно отдавала предпочтение закономерностям повседневной жизни, уделяя меньшее внимание нерегулярным событиям, которые нарушают социальный порядок. Может быть, именно поэтому всякий раз вдруг замеченное исключение (не отброшенное в сторону как искажение «нормы», а принятое в качестве таковой) вело к расширению нашего кругозора, углублению представлений о культуре и порой к рождению целых направлений в антропологии. Так, из замечаний Широкогова об автономности шамана рождалось современное аналитическое шамановедение, а из близких по сути, но более генерализованных наблюдений Пайка появлялись представления об эмик- и этик-подходах. И так же из наблюдений Сводеша над жизнью малоиспользуемых языков рождался призыв к описанию процесса их смерти, что, на мой взгляд, в конечном итоге и привело к идее фиксации языков такими, какие они есть, т.е. к идеям корпусной лингвистики. Близкая идея лежала и в основе такого направления, как этноархеология, или живая археология, которая во многом есть попытка понять то, как живет культура на всем протяжении своей жизни, включая и то, как она исчезает или умирает.

В случае с неопределенностью с позиций антропологии я предлагаю исходить из того, что этот феномен жизни человечества и есть норма. Это, мне кажется, гарантированно позволит нам не вычленять в наблюдаемом лишь один вариант чего бы то ни было, а видеть целую палитру исходных (исходных ли?) данных или ситуаций, аналитических процессов в головах у людей, помноженных на их культурные привычки/традиции, многообразие мотиваций и целый веер потенциальных результатов, практически каждый из которых может и – что важно и, я бы сказал, привычно понятно для этнографов – обязательно будет (не)принят и объяснен на языке данной культуры (пусть и по-разному в устах разных информантов).

А если так, то и наши размышления об антропологии в условиях неопределенности – ведь, согласитесь, мы не знаем даже того, что будет с нашей наукой завтра – надо строить на этой простой мысли: антрополо-

гия как научная дисциплина всегда существовала в условиях неопределенности. А наши взаимоотношения с властными структурами и любыми иными социальными акторами, включая налогоплательщиков, делали и делают эти условия еще более неопределенными. История нашей дисциплины в России/СССР наглядно это подтверждает.

На каком факультете будут открыты и будут ли вообще открыты профильные кафедры? Сколько выделяют мест для учащихся? Будет ли издаваться профильная литература на доступном для учащихся языке? Будет ли достаточное число преподавателей на кафедре, для которых литература на английском (я напомним, что как раньше, так и сейчас порядка 95% всей антропологической литературы публикуется на английском языке) не является препятствием для ее прочтения? Чему, по какой программе и как/насколько хорошо будут учить студентов эти люди? Будут ли государство и бизнес нуждаться в тех, кого мы готовим? Насколько активна и глубока будет цензура и самоцензура? Мы все чаще начинаем подбирать не только слова для выражения своих мыслей в «приемлемой» (для кого?) форме, но и темы исследования, которые могут быть, а могут и не быть «согласованы», и думаем о возможных рисках.

Кстати, о риске. Терминов, так или иначе связанных с феноменом неопределенности, довольно много. Это неопределенность, непредсказуемость, неуверенность и даже риск. Если мы обратимся к риску, то обнаружим, что антропологические рассуждения об этом феномене имеют довольно продолжительную историю. Во многом появлению целой серии именно антропологических работ в этом направлении положил пионерный труд Мэри Дуглас и Аарона Вилдавски «Риск и культура» (Douglas, Wildavsky 1982), хотя зачатки систематических изысканий в отношении рисков, скажем, для Англии «в ужасающем окружающем мире» можно усмотреть еще в трудах ученых викторианской поры. Не вдаваясь в детали обширных дебатов, скажу, что риск в большей степени связывается с попытками просчета последствий и выбором наиболее оптимального сценария поведения или даже с монетизацией последствий (что хорошо известно тем, кто занимается оценками социального воздействия). В целом, это очень важный концепт и феномен как таковой, но все же риск не есть то, что мы понимаем под неопределенностью, иначе говоря, под непредсказуемостью – как условием бытия, по сути дела, – всего, что имеет место в нашем мире.

Значимым в теоретическом плане представляется относительно недавно предложенное в антропологии смещение угла зрения и языка описания от контроля рисков к менеджменту неопределенности (Samimian-Darash, Rabinow 2015). Мне представляется, что это дает возможность пристальнее всмотреться в академические вариации поведения в ситуациях социальной неопределенности и управления таковыми, в многооб-

разие этих академических вариаций – от институциональных до индивидуальных. Впрочем, здесь пока проще рассуждать о мотивации выбора или невыбора регионов, тем и методов исследования, языка описания, публикационных и грантовых практик, чем о таких защитных практиках, как заявления о лояльности, доносы, вариации на тему «культуры отмены» и прочее, что уже давно является частью академических моделей поведения.

В представленных в нашей подборке статьях затрагивается лишь небольшая часть обозначенных выше тем в рамках проблемного поля неопределенности.

Значимый для современной науки в целом сюжет, связанный с анализом набирающего популярность ChatGPT и появившихся в связи с этим дискуссий о возможном негативном влиянии практик использования генеративной модели на научное творчество, стал предметом рассмотрения в статье А.В. Голубинской. Путем сравнения двух наборов информации об отражении ценности современной науки при использовании ChatGPT автор приходит к выводу о том, что описание проблемной ситуации меняется в зависимости от выбранной перспективы (они-ученые или я-ученый), и делает вполне обоснованный вывод: «этос научного сообщества не единичен, поскольку само научное сообщество не состоит из одних ученых, и тревожные опасения возникают как реакция на изменение механизмов доверия между такими под-этосами».

Ф.В. Николаи и А.Н. Маслов представили основанные на анализе значительного объема зарубежной и отечественной литературы размышления о различии темпоральных границ в исторической реконструкции и в reenactment studies. Авторы полагают, что если в первом случае видно стремление прояснить границы между прошлым и настоящим, то во втором (с характерным ослаблением когнитивного компонента и подчинением его популярной культуре, с преобладанием аффективного отыгрыша над рефлексивной проработкой прошлого) – использовать и эстетически обыграть неопределенность этих границ.

В третьей статье (М.А. Мочалова) подборки рассматривается сибирский кейс, а именно процесс накопления знаний о сообществах коренных народов Таймыра и формирования музейных коллекций в первые послереволюционные десятилетия. Автор обратила внимание на то, каким образом через музеефикацию предметов культуры народов Севера реализовывалась идея ухода от неопределенности жизни «отсталых» северян к их интеграции в «передовую» и предсказуемую (я бы сказал, поддающуюся государственному контролю) советскую культуру, и детально разобрала этот процесс на своем материале.

Представленные здесь тексты, безусловно, в некоторой мере демонстрируют познавательные возможности оптики антропологии неопределенности, но при этом они также свидетельствуют о том, что такого рода

исследования – во всяком случае, на нашем поле – это лишь введение в обозначенную проблематику, и что работ в данном направлении может быть существенно больше. Позволю себе напомнить высказанную выше мысль: неопределенность есть норма человеческой жизни. Так что для антропологии с ее фокусом на человеке обозначенные нами подходы могут оказаться весьма продуктивными.

References

- Douglas M., Wildavsky A. (1982) *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press.
Samimian-Darash, L., Rabinow P. (eds). (2015) *Modes of Uncertainty: Anthropological Cases*. University of Chicago Press.

Сведения об авторе:

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией социокультурной антропологии Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitriy A. Funk, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 февраля 2024 г.;
принята к публикации 01 марта 2024 г.*

*The article was submitted 01.02.2024;
accepted for publication 01.03.2024.*